

я могу положительно засвидѣтельствовать, что онѣ существуютъ, но, понятно, не въ сухомъ лѣсу съ елочками, которыми себя прикрываетъ на лазу г. Русский Охотникъ, а въ болотистой крѣпи, съ березнякомъ, ольхой и мелкимъ осинникомъ; особенно изобилуютъ этими тропами мѣста, избираемыя звѣремъ для водопоя, и опытный охотникъ, хорошо знающій мѣстность и степень паратости своихъ собакъ, конечно, можетъ съ успѣхомъ воспользоваться тропой.

Но оставляю въ сторонѣ всѣ недомолвки, касающіяся специально охоты съ гончими, и перехожу прямо къ вопросу, больше всего меня интересующему, какъ стараго болотнаго охотника: съ какой стати г. Русский Охотникъ, оппонировавъ такъ прямо и правильно во всемъ прочемъ г. де-Коннеръ, касательно его самой несообразной фразы о стрѣльбѣ въ звѣря на вскидку, дѣлаетъ это какъ-то неувѣренно и не полно и допускаетъ почему-то эту стрѣльбу, если можно назвать выпускъ, зря, по направленію вылетѣвшей птицы, заряда—стрѣльбой на болотѣ?—Какъ г. Русский Охотникъ заподозрилъ г. де-Коннеръ въ желаніи отбить всякую охоту у молодежи охотиться съ гончими, благодаря его поискамъ элемента кривой звѣринаго хода, такъ и я могу заподозрить г. Русскаго Охотника въ желаніи, чтобы молодые охотники никогда порядочно не стрѣляли по бекасамъ. Г. Русский Охотникъ самъ говоритъ, что послѣ вскидки ружья звѣрь можетъ очутиться за сажень или полторы отъ того мѣста, куда, благодаря этой пресловутой вскидкѣ, попалъ зарядъ. Но вѣдь то же самое можетъ случиться и съ бекасомъ.

Нѣтъ, господа, юные охотники, не довѣряйте ни въ какой стрѣльбѣ вскидкѣ, а выпѣлывайте, какъ звѣря, такъ и птицу, и тогда смѣло спускайте курокъ и будьте увѣрены, что не влѣпите зарядъ въ своего товарища, какъ случилось въ нынѣшнемъ Октябрѣ съ однимъ горе-охотникомъ въ селѣ Гвинтовомъ Путивльскаго уѣзда. Онъ вскинулъ-то ружье по направленію взлетѣвшаго вальдшнепа, а попалъ въ физиономію Г. Е., своего товарища.

Что касается лично меня, то стрѣльба на вскидку мнѣ просто противна, какъ противны на болотѣ и ружья большого калибра съ зарядами, направленными къ большому разносу дробі. Меня положительно не радуетъ тотъ выстрѣлъ, при которомъ бекасъ или дупель падаетъ, когда я между тѣмъ увѣренъ, что взялъ невѣрно. За то, какое удовольствіе, когда кувырнется долгоносикъ, взлетѣвшій шагахъ въ 20—30, выпѣленный и отпущенный шаговъ на 60—70!... Давно зная и много охотившись съ уважаемымъ собратомъ, Валеріаномъ Валеріановичемъ де-Коннеръ, я положительно отказываюсь вѣрить, что фраза о стрѣльбѣ на вскидку не опечатка.

Л. Л. Студзинскій.

Голосъ изъ провинціи. Теперь, когда въ охотничьей литературѣ оживленно заговорили о непригодности принятой на выставкахъ системы премированія охотничьихъ собакъ за одни только наружныя качества,—

да позволено будетъ и мнѣ, скромному провинціалу, присоединить мой голосъ за это мнѣніе, привести факты, подтверждающіе справедливость его.

Въ 1867 году, возвратясь на жительство въ свой хуторъ, я рѣшилъ обзавестись маленькой охотой. Судьба не надѣлила меня презрѣннымъ металломъ настолько, чтобы я могъ затратить на это надлежащую сумму, а потому пришлось устраивать охоту „экономическимъ“ способомъ. Случайно я купилъ за 25 руб. двухъ гончихъ кобелей „Соловья“ и „Набата“, вывезенныхъ изъ Курской губерніи. „Набатъ“ имѣлъ страсть къ путешествіямъ, постоянно удиралъ и скоро гдѣ-то погибъ; а „Соловей“ остался въ родоначальники моей будущей стаи. Это былъ большого роста чепрачный кобель, серьезный, угрюмый и настолько строгій, что только псарю позволялъ надѣть и снять смычекъ, но и псарю не позволялъ трогать себя, хотя на собакъ, а тѣмъ болѣе на свотъ, не кидался никогда. Я съ нимъ былъ въ большой дружбѣ и ко мнѣ одному онъ ласкался. Суку „Канарейку“, дочь знаменитой въ уѣздѣ Канарейки, подарилъ мнѣ мировой судья,—и вотъ отъ этихъ „Соловья“ и „Канарейки“ я повелъ породу. И что за прелесть были эти собаки.

Помню, какъ 1-го Сентября, въ самый жаркій и сухой день, я бралъ Плоскій лѣсъ въ 90 десятинъ и такой гущины, что даже на широкихъ дорожкахъ ничего не было видно. Стаю составляли „Соловей“, „Канарейка“ и шесть штукъ ихъ дѣтокъ по первой осени, бывшихъ въ первый разъ въ большомъ лѣсу, такъ какъ до этого я въ Августѣ раза три пускалъ ихъ въ маленький лѣсокъ. Родители пошли по лисицѣ, дѣтки подвалили—и заварилась музыка. Лисица пошла на кругахъ, такъ какъ псарь не выпускалъ ее на двухъ ея лазахъ, и сдѣлала восемь круговъ, а на девятомъ понорилась. Молодежь отстала на первыхъ пяти кругахъ; послѣдніе три круга по лисицѣ шли только „Соловей“ и „Канарейка“, и на всѣхъ восьми кругахъ ни разу не сколовшись, и ни на минуту не умолкнули, а у норы попадали, какъ мертвые. Тамъ ихъ нашли въ такомъ состояніи, что въ виду жары я счелъ необходимымъ прекратить на тотъ день охоту, тѣмъ болѣе, что это была собственно не охота, а охотничій праздникъ, открытіе охоты.

Едва ли когда я буду имѣть еще такихъ собакъ, и конечно не буду имѣть, пока не выиграю 200 тысячъ и не получу возможности имѣть собакъ г. Кншенскаго, которыя, признаюсь, не дадутъ мнѣ покоя.

И вотъ охотился и наслаждался я съ своими собаками, каковыхъ держалъ не болѣе 6 или 8 штукъ, и сколько испытывалъ удовольствій!—но не умѣлъ цѣнить такое золото.

Въ это время въ Москвѣ открылась выставка собакъ и гончія одного господина сосѣдняго уѣзда получили на выставкѣ медали за якобы костромскую породу. Дѣло было новое, мы еще не понимали всей прелесть этихъ медалей и пошелъ говоръ объ этихъ медальерахъ. И

во снѣ и на яву мнѣ грезились эти костромскіе медальеры, и я думалъ: — „А что, еслибы къ моимъ собакамъ подпустить костромско-медальерской крови?—вотъ было бы чудо!..—И я задался цѣлью раздобыть щенка отъ самыхъ этихъ медальеровъ. —Послѣ многихъ хлопотъ, я дѣйствительно добился, при посредствѣ третьяго лица, бывшаго пріятеля обладателя медальеровъ, и въ одинъ пзъ апрѣльскихъ дней я получилъ двухъ одипадцати-мѣсячныхъ кобелей, красoty неописанной. —Это полученіе тѣмъ болѣе было для меня дорого, что пзъ моихъ собакъ, благодаря чумѣ, оставались только старики, „Соловей“ и „Канарейка“, и ихъ дѣти „Барабанъ“ и „Флейта“, осеней пяти. Такимъ образомъ у меня снова образовалась стайка въ три смычка и я съ нетерпѣніемъ ждалъ осени. Дождался осени, началъ охотиться и... о ужасъ! мои работаютъ отлично, а красавцы медальеровичи или возлѣ псаря, или на опушкѣ, занимаются птичками, оставаясь равнодушными къ самому горячему гону моихъ собакъ. Въ ту осень я охотился мало, на бѣду гдѣ-то прочелъ, что гончія иногда на первой осени бываютъ дураками (чего съ моими никогда не было), вѣра въ московскія медали была крѣпка, и я приказалъ весною повязать „Канарейку“ и „Флейту“ съ медальеровичами и подъ каждой изъ нихъ оставилъ по шести щенковъ.

Пришла еще осень, но мои красавцы медальеровичи оставались дураками. Одинъ изъ нихъ скоро пропалъ, а другой просуществовалъ у меня еще года три, какъ будто для того, чтобы фактически доказать, что потомки медальеровъ могутъ оставаться дураками и на третью, и на четвертую, и на пятую осень. Погибли также мои „Соловей“ и „Канарейка“, и на слѣдующую осень у меня были отъ прежнихъ собакъ „Барабанъ“ и „Флейта“ и десять полуторогодовалыхъ потомковъ красавцевъ медальеровичей,—и о горе!—вся эта молодежь оказалась достойной своихъ родителей:—такой дряни я послѣ нихъ нигдѣ и ни у кого не находилъ. —Промучился я съ ними три осени, щенятъ отъ нихъ не оставлялъ, и былъ счастливъ, когда часть ихъ псарь посбывалъ куда-то, а остальные подошли. Въ настоящее время я раздобылъ новыхъ собакъ и хотя доволенъ ими, но это далеко не тѣ, которыхъ я загубилъ медальерами.

И другой охотникъ, мой знакомый, раздобылъ щенка отъ тѣхъ же медальеровъ, восторгался имъ, особенно его „епотовымъ“ подшерсткомъ, но поостерегся вести отъ него породу, а испытавъ его въ теченіе трехъ осеней и убѣдясь, что большей дряни трудно найти, просто уничтожилъ его.

У моего знакомаго, котораго назовемъ X, были превосходнѣйшіе бѣлые пойнтера, но онъ не поддерживалъ этой породы, и когда я познакомился съ нимъ, то у него оставался одинъ старикъ, уже утратившій отъ старости и чутье, и слухъ. Тѣмъ не менѣе, его успѣли еще разъ повязать съ сукой, приходившейся ему внучкой, и пзъ этого помета я получилъ кобелька, а другой, котораго назовемъ Z, получилъ

сученку. Мой кобель жилъ безъ меня въ деревнѣ и случайно былъ испорченъ для охоты, а сученка у Z, называемая „Альбой“, выросла на славу. Росла она въ деревнѣ безъ всякихъ егерей и науки: ни поноски не знала, никакихъ down-новъ, апортовъ, аннонсовъ, но я былъ свидѣтелемъ, какъ она, взятая въ первый разъ на охоту, ходила на кругахъ, подводила къ перепелкамъ и дѣлала стойку. Вообще эта порода именно отличалась тѣмъ, что собаки сами шли въ работу, какъ дрессированныя.

Зимой X поѣхалъ на выставку собакъ, и такъ какъ его кобель, какъ я уже сказалъ, былъ старъ, то онъ купилъ на выставкѣ двухгодовалого медальера, о чемъ по возвращеніи сообщилъ мнѣ даже стихами:

„Если узрѣть ты желаешь лучезарное Феба подобье,
„Что ослѣпляетъ насъ смертныхъ своей красотой,
„То приходи.....“

И при этомъ обѣщалъ показать мнѣ:

.....„Лятова сына,
„Шереметьевской „Шпильки“ рожденье,
„Внука безцѣннаго „Спорта“ Ланского, что золотомъ медалью украшенъ,
„И „Нелли“ прекрасной, изъ чуждадныхъ краевъ къ намъ пришедшей“.

„Альбу“ предполагалось повязать съ однимъ рабочимъ пойнтеромъ, вывезеннымъ изъ Воронежа, но при видѣ знаменитости, привезенной прямо съ выставки, „Альбу“ повязали съ онымъ медальеромъ, потомкомъ „Спорта“ и „Нелли“. Результатъ: собаки вышли красавцы, но ни къ чорту негодны для охоты, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ птицѣ вообще и къ дичи въ особенности и безъ малѣйшаго поползновенія къ поisku, къ стойкѣ, — словомъ, получились простыя комнатныя собаченки. Самъ X, промучившись съ своимъ медальеромъ года два сбывъ его, но все-таки, вѣруя въ родословную, оставилъ двухъ щенковъ отъ этого медальера и какой-то знаменитой суки, и я убѣжденъ, что эти щенки докажутъ непригодность выдаванія медалей только за лады.

Мой родственникъ купилъ на Московской выставкѣ двухъ борзыхъ медальеровъ Ермоловской породы, но оба они оказались крайними тупицами и только салютующими предъ волчатами, о чемъ даже шла переписка на страницахъ журнала „Природа и Охота“.

Такихъ примѣровъ я могъ бы указать нѣсколько, примѣровъ, которые фактически доказали негодность награжденныхъ медалями собакъ для охоты.

Вотъ почему мы, провинціальныя охотники, утрачиваемъ вѣру въ медальеровъ и въ полезность выставокъ собакъ при настоящемъ ихъ устройствѣ.

Мы искренно возмущались, прочитавъ въ „Охотничьей Газетѣ“ № 8, 1891 г. стр. 124, что Общество любителей породистыхъ собакъ собрало 500 руб. на специальный призъ въ честь своего Почетнаго Президента, Великаго Князя Владиміра Александровича, и что призъ этотъ будетъ

выданъ собакѣ, которая получить на выставкахъ Общества не ниже большой серебряной медали, и которая и на осеннемъ состязаніи покажетъ хорошія полевые качества.

Вотъ полное сознаніе, что даже большая серебряная медаль не есть порука за полевые качества.

Порадуемся же этому доброму началу.

А. Т.

Изъ моихъ наблюденій надъ зайцами. Прочитавъ въ одномъ изъ №№ „Охотничьей Газеты“ замѣтку относительно умственныхъ способностей зайца, въ которой авторъ положительно отвергаетъ умъ и хитрость „ко-сого“, мнѣ пришло въ голову самому заняться наблюденіемъ надъ нимъ, и я пришелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, чѣмъ вышеупомянутый авторъ.

Вотъ что мнѣ пришлось прослѣдить.

Въ одну изъ моихъ осеннихъ охотъ, собаки мои подняли зайца въ яру, въ которомъ обыкновенно ходилъ скотъ и гдѣ, слѣдовательно, были кучки свѣжаго коровьяго навоза. Сначала собаки издали гнали зайца и онъ употреблялъ свои обыкновенные маневры, чтобы спастись отъ преслѣдованія. Но когда ему стала угрожать серьезная опасность, онъ сталъ дѣлать особые прыжки, извѣстные въ охотничьемъ языкѣ подъ названіемъ „скпдокъ“. Когда же и эти приемы не помогли, онъ пустился на слѣдующую хитрость: добѣжавъ до свѣжей кучки навоза, онъ, на моихъ глазахъ, на мигъ остановился на ней, потоптался, вымазалъ навозомъ свои лапки и тогда уже сдѣлалъ большую „скидку“ и черезъ десятокъ прыжковъ запалъ въ кустъ. Собаки мои, добѣжавъ до этой кучки навоза, тоже остановились и дальше уже не могли гнать: потеряли слѣдъ, такъ какъ запахъ навоза окончательно перебилъ запахъ зайца и отнялъ тѣмъ у собакъ возможность дальнѣйшаго преслѣдованія. Но на этотъ разъ зайцу не повезло: на его несчастье, я видѣлъ мѣсто, гдѣ онъ запалъ въ кусты и пошелъ по этому направленію; но заяцъ, не допустивъ меня на выстрѣлъ, выскочилъ изъ кустовъ, пустился на утекъ назадъ тѣмъ же путемъ и попался на глаза собакамъ. Увидѣвъ его, собаки бросились за нимъ и погнались „голосомъ только по зрячему“; но когда онъ исчезъ изъ виду, собаки совершенно потеряли всякую возможность гнать его, и заяцъ окончательно скрылся отъ преслѣдованія.

Когда я, созвавъ товарищей, бывшихъ со мной на охотѣ, рассказалъ имъ объ этой необыкновенной продѣлкѣ зайца, они долго не хотѣли мнѣ вѣрить, пока я не привелъ ихъ къ памятной для меня кучкѣ навоза и не показалъ имъ оставшихся на ней слѣдовъ хитраго зайца.

Мнѣ кажется, что подобная продѣлка зайца служить явнымъ доказательствомъ его ума и хитрости, въ существованіи которыхъ многие охотники сомнѣваются. Вѣдь нельзя же предположить, что это проп-